

Ани Еганян

Все жизни, которых у нас не было

Ани Еганян

Все жизни, которых у нас не было

«Автор»

2026

Еганян А.

Все жизни, которых у нас не было / А. Еганян — «Автор», 2026

Что, если где-то существует жизнь, в которой ты никогда не совершала своих ошибок? После смерти матери Эвелин Мур получает загадочный ключ и фотографию, на которой она обнимает маленькую девочку. Девочку, которой никогда не было в её жизни. Ключ приводит Эвелин в необычный дом, где за каждой дверью скрывается судьба, которую она могла бы прожить. В одной жизни её мать жива. В другой она обрела любовь. В третьей маленькая София называет её мамой. Но у каждого несбывшегося счастья есть страшная цена. Пытаясь разгадать тайну трагедии, произошедшей много лет назад, Эвелин оказывается перед выбором, который способен изменить судьбы других людей. Можно ли переписать прошлое, не разрушив чужое будущее? Пронзительный роман о любви, потерях, материнстве, прощении и жизнях, о которых мы продолжаем мечтать.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Об этой истории	6
Содержание	7
Часть первая. Дверь, которой не было	9
Глава 1. Фотография без даты	9
Глава 2. Вещи, которые остаются	11
Глава 3. Шестой этаж	13
Глава 4. До того, как появилась София	15
Глава 5. Девочка в жёлтом дождевике	16
Глава 6. Ужин с теми, кто мог быть семьёй	18
Глава 7. Условие обмена	20
Глава 8. Истории, в которые не верят	22
Глава 9. Проверить невозможное	23
Глава 10. Мужчина из другой зимы	25
Глава 11. Ноябрь 1999-го	27
Глава 12. Пирс, которого больше нет	28
Глава 13. Музыка, от которой отказались	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ани Еганян

Все жизни, которых у нас не было

АНИ ЕГАНЯН

ВСЕ ЖИЗНИ,

КОТОРЫХ У НАС

НЕ БЫЛО

Психологический роман

«Иногда мы тоскуем не по человеку, а по себе —

той, которой так и не стали».

Об этой истории

После смерти матери реставратор Эвелин Мур получает ключ от квартиры на несуществующем шестом этаже. За её дверями хранятся жизни, которыми она могла прожить: с ребёнком, с большой сценой, с живой матерью. Каждый новый выбор кажется ответом на старую боль — пока она не узнаёт, что чужое счастье нельзя получить, никого не лишив собственного.

Полностью вымышленное художественное произведение. Совпадения имён, событий и обстоятельств случайны.

Содержание

Часть первая. Дверь, которой не было

- Глава 1. Фотография без даты
- Глава 2. Вещи, которые остаются
- Глава 3. Шестой этаж
- Глава 4. До того, как появилась София
- Глава 5. Девочка в жёлтом дождевике
- Глава 6. Ужин с теми, кто мог быть семьёй
- Глава 7. Условие обмена
- Глава 8. Истории, в которые не верят
- Глава 9. Проверить невозможное
- Глава 10. Мужчина из другой зимы
- Глава 11. Ноябрь 1999-го
- Глава 12. Пирс, которого больше нет
- Глава 13. Музыка, от которой отказались
- Глава 14. Чужое счастье
- Глава 15. Комната, где Майя была старше
- Глава 16. Комната оставленных
- Глава 17. Те, кому не досталось фотографии

Часть вторая. Те, кого оставили

- Глава 18. Запись на плёнке
- Глава 19. Как звучит человек, которого больше нет
- Глава 20. Одиннадцатый год
- Глава 21. Чужая младшая сестра
- Глава 22. Женщина, которая знала моё лицо
- Глава 23. День, когда Нора приготовила завтрак
- Глава 24. Третья плата
- Глава 25. Вещи, которых не было вчера
- Глава 26. Ванна, в которой стояла чужая щётка
- Глава 27. Элиас
- Глава 28. Часы с синим китом
- Глава 29. Архив невозможного
- Глава 30. Айрис и Эдвард
- Глава 31. Письма Айрис
- Глава 32. София умеет считать сердца
- Глава 33. Сведения, которых не было в папке
- Глава 34. Ответ из дома с садом
- Глава 35. Маленькое письмо из большого дома

Часть третья. День, который можно изменить

- Глава 36. Женщина за стеклом
- Глава 37. Две женщины с одним лицом
- Глава 38. Люди, для которых мы существуем
- Глава 39. Человек, которого нельзя сохранить
- Глава 40. Тетрадь Норы
- Глава 41. Письмо, которое Нора не закончила
- Глава 42. Маяк
- Глава 43. Башня над морем

- Глава 44. Тот, кто не вернулся
- Глава 45. Невозможное прощение
- Глава 46. Человек, который ждал сорок лет
- Глава 47. Долгое свидание
- Глава 48. Ночь перед дверью
- Глава 49. Последняя репетиция
- Глава 50. Шестое ноября
- Глава 51. Лица у дверей
- Глава 52. Железнодорожный разъезд
- Глава 53. Право не быть счастливой
- Глава 54. Предпоследняя минута
- Глава 55. Последний выбор
- Глава 56. То, что осталось по эту сторону
- Глава 57. Утро после
- Глава 58. Чужое завтра
- Глава 59. Когда фотография высыхает
- Глава 60. День рождения, которого не было
- Глава 61. Отпускать не значит забывать
- Глава 62. Место для двоих
- Эпилог. Письмо, которое не надо отправлять

Часть первая. Дверь, которой не было

Глава 1. Фотография без даты

На похоронах матери Эвелин Мур впервые за много лет не знала, что делать с руками.

Обычно руки её спасали. Ими она выравнивала хрупкие фотографии на стекле реставрационного стола, водила тонкой кистью по утраченной линии подбородка, удерживала карточки, пока те медленно расправлялись после десятилетий в тесном бумажном конверте. Пальцы знали, сколько можно приложить силы к старой бумаге, чтобы не уничтожить то, что ещё осталось. С живыми людьми подобная осторожность давалась гораздо труднее.

Теперь руки лежали на коленях, неподвижные, как чужие.

Церемония проходила в небольшом зале на северной окраине Порт-Мерсера. За окнами шёл мелкий дождь. На фотографии возле урны Нора Мур улыбалась, прищурив глаза, словно фотограф попросил её смотреть против солнца. Снимок был сделан в тот год, когда они ещё ездили вместе к морю. Эвелин было семнадцать. Она помнила белое платье матери, бледную полосу от часов на запястье и то, что сразу после съёмки они поссорились.

— Ты можешь хотя бы один день не думать о себе? — спросила тогда Нора.

Эвелин ответила что-то жестокое. В памяти сохранился только звук захлопнувшейся автомобильной двери.

Теперь из той поездки осталась одна удачная фотография и два человека, один из которых умер, так и не объяснившись с другим.

После церемонии незнакомые родственники поочередно касались её локтя. Говорили, что Нора была удивительной женщиной, умела слушать, никому не отказывала в помощи. Эвелин кивала. Все эти люди, казалось, знали её мать лучше родной дочери.

— Ты ела сегодня? — спросила Майя, когда зал опустел.

Майя Лэнг была единственной подругой Эвелин, которая могла позволить себе говорить с ней без утешительных формул. Они дружили со студенческих лет. Майя работала репортёром в местной газете, носила мужские пиджаки и никогда не верила в совпадения, если те можно было проверить документами.

— Кофе считается?

— Если ты не собираешься в обморок, да.

— Тогда два раза.

Майя не улыбнулась. Она взяла с подоконника оставленный кем-то букет и поставила его в вазу, где уже не было воды.

— Твой адвокат ждёт у двери.

— У моей матери не было адвоката.

— Теперь, кажется, есть.

Мужчина в тёмном плаще держал небольшой коричневый пакет. Представился Оуэном Прайсом и объяснил, что сопровождал некоторые личные документы Норы. На его лице не было ни скорби, ни той облегчённой вежливости, с какой люди сообщают неприятные новости.

— Она оставила вам это, — сказал он. — Попросила вручить именно после похорон.

В пакете лежали латунный ключ с выточенной на головке ласточкой, карточка с адресом и фотоснимок.

На снимке была Эвелин. Она стояла возле дверей незнакомого дома, обнимая девочку лет восьми. Девочка смеялась, запрокинув голову. У Эвелин на пальце блестело обручальное кольцо.

Дыхание перехватило.

Не потому, что кольца у неё не было. И не потому, что она никогда не рожала. А потому, что она точно знала эту фотографию: знакомый изгиб собственной брови, привычка заправлять прядь за левое ухо, тонкий шрам на подбородке, полученный в детстве. Это была она — не похожая женщина, не искусная подделка. Она была счастливой так естественно, как люди бывают счастливы лишь тогда, когда забывают о фотоаппарате.

На обороте мать написала своим неровным почерком: «Не перепутай возможность с обещанием».

— Где это снято? — спросила Эвелин.

Прайс взглянул на карточку, хотя адрес был ему известен.

— Улица Беллуэзер, семнадцать. Квартира шесть-ноль-четыре.

— У нас на Беллуэзер нет домов выше четырёх этажей.

— Это не совсем обычный дом, мисс Мур.

— Что это значит?

— Я исполнил поручение. Больше мне ничего не известно.

Он поклонился с таким видом, словно имел дело не с осиротевшей дочерью, а с человеком, которому передали опасный предмет.

Вечером дома Эвелин долго рассматривала фотографию под увеличительной лампой. Бумага была старой, зерно — настоящим. На девочке был жёлтый дождевик, на манжете виднелась крошечная вышитая лиса. В отражении двери можно было различить фотографа: мужчину в светлом пальто. Лица не было видно.

В три ночи Эвелин увеличила самый тёмный участок снимка. На стекле дома, над плечом девочки, проступили три слова, написанные изнутри белым мелом:

«МАМА, НЕ УХОДИ».

Она выключила лампу, однако изображение продолжало стоять перед глазами. За окном проскочила машина. Свет фар на мгновение разрезал стены спальни.

Утром Эвелин отправилась на Беллуэзер.

Глава 2. Вещи, которые остаются

За неделю до похорон Эвелин приехала к матери, чтобы забрать старый проигрыватель. Так они договорились по телефону: Нора хотела освободить полку в гостиной, Эвелин обещала проверить, можно ли починить механизм, который заедал на одной и той же ноте. Теперь эта договорённость казалась жестокой насмешкой над будущим. На кухне стоял нетронутый пакет с апельсинами. На краю стола — список покупок, написанный крупными буквами: молоко, корм птицам, лампочка, «позвонить Эви».

Последний пункт был обведён дважды. Телефон матери лежал рядом, разряженный. Эвелин поднесла его к зарядке и только тогда вспомнила, что звонка в тот день не было. Она ждала, когда Нора позвонит первой, потому что в их семье примирение всегда было разновидностью проигрыша.

Открытая дверца буфета скрипнула. На полке остались чашки с голубыми цветами, из которых Нора наливала чай гостям, и одна чашка с отбитой ручкой. Эвелин знала историю каждого предмета, но не знала, что мать сделала в прошлый четверг, кого встретила в магазине, на что надеялась, когда выбирала спелые апельсины. Смерть не просто забирала человека. Она внезапно превращала каждую не заданную ему мелочь в вопрос без ответа.

Майя пришла с картонными коробками. Не стала обнимать Эвелин на пороге, потому что знала её привычку прятаться от прикосновений, когда боль становилась слишком острой. Вместо этого она сняла пальто, подхватила пакет с апельсинами и молча вымыла один под краном.

— Ты будешь делить вещи по комнатам или по воспоминаниям? — спросила она.

— По тому, что проще выбросить.

— Тогда сегодня ничего не выбросим.

Они начали с книг. В старом томе стихов нашли железнодорожный билет, датированный ноябрём 1999 года. На полях карандашом было написано: «Последний поезд ушёл без нас». Эвелин показала билет Майе, но та только подняла брови. В семнадцать лет они вдвоём с увлечением искали тайные знаки в обычных совпадениях. В тридцать шесть Майя могла объяснить почти каждое, а Эвелин почти ни одному не радовалась.

— Это тот ноябрь? — спросила Майя.

— Не начинай.

— Я просто спрашиваю.

— Тогда да. Тот самый.

Майя положила билет в отдельный конверт. Нора никогда не рассказывала, что произошло той ночью на старом пирсе, кроме двух сухих фраз: «Поднялась буря» и «Мы добрались домой». Эвелин помнила мокрое платье матери, запах солёной воды и длительное молчание взрослых за кухонной дверью. Её собственная память о случившемся была похожа на проявленный лишь наполовину негатив.

Они разобрали три коробки, когда в коридоре раздался звонок. На пороге стоял мужчина с букетом белых хризантем. Он представился мистером Калемом Мартином, но, услышав, что Норы больше нет, так побледнел, что Майя предложила ему присесть. Мужчина отказался.

— Я обещал ей фотографию, — сказал он. — Она просила вернуть то, что мы считали уничтоженным. Скажите, она успела что-нибудь вам объяснить?

Эвелин почувствовала привычное раздражение: ещё один человек, которому мать доверяла больше, чем собственной дочери.

— Нет. Моя мама не любила объяснять.

Калев опустил взгляд на цветы.

— Иногда дело не в том, что человеку нечего сказать. Иногда он боится, что его не простят, если скажет.

Он ушёл, оставив хризантемы на ступенях. Майя подняла их, обрезала стебли и поставила в кувшин. Эвелин смотрела, как вода из-под ножниц брызгает на стол, и вдруг разлилась на подругу.

— Почему ты всегда всё исправляешь? Цветы, коробки, чужие слова. Разве обязательно приводить в порядок то, что уже случилось?

Майя не ответила сразу. Она вытерла лезвия и положила ножницы рядом с кувшином.

— Нет, — сказала она. — Необязательно. Но иногда это единственное, что я могу сделать для тебя, не притворяясь, будто знаю, как тебе больно.

Эвелин села на пол возле шкафа. В детстве, когда Нора работала допоздна, она сидела здесь же, обняв колени, и слушала, как по дому бегут трубы отопления. Каждый стук заставлял её думать, что мать наконец вернулась. Она ненавидела это ожидание и теперь ненавидела себя за то, что готова была отдать многое, лишь бы вновь услышать на лестнице знакомые шаги.

Из нижнего ящика выпала коробочка со спичками. На одной стороне было написано название кафе в Солт-Крике, на другой — номер телефона, которого давно не существовало. Внутри лежала крошечная детская закладка в форме лисы. Эвелин рассматривала её долго, без всякой причины не решаясь положить обратно.

— Тебе нужно поспать, — сказала Майя.

— А если во сне мне приснится она?

— Тогда пусть приснится. Ты не должна быть храброй каждую минуту.

В тот вечер Эвелин не заснула. Она стояла у окна матери и смотрела, как в соседнем доме кто-то накрывает на стол. Люди спорили из-за места для вазы, смеялись, беззаботно передавали друг другу хлеб. Ей хотелось постучать в стекло и предупредить: запомните эту мелочь. Однажды любой из вас пожелает вернуться именно сюда — не на свадьбу, не в праздник, а к хлебу, который некому передать.

Она достала билет 1999 года и положила рядом с фотографией, которую получила от адвоката. На обоих предметах были следы воды. Ей следовало искать ответ, но она впервые позволила себе не искать немедленно. Просто просидела рядом с двумя загадками до рассвета, пока за окном не заговорили птицы.

Глава 3. Шестой этаж

Дом номер семнадцать оказался старым краснокирпичным зданием между прачечной и магазином ненужных музыкальных инструментов. Над дверью висел круглый фонарь. На стене кто-то приклеил объявление о пропавшем коте. Эвелин прошла мимо два раза, ожидая увидеть какой-нибудь знак странности: странное окно, необычную тень, людей в масках. Но дом выглядел настолько обычен, что странной казалась скорее она сама.

В холле пахло полиролью и мокрыми зонтами. На почтовых ящиках были номера от первого до четвёртого этажа. Элеваторный лифт, отделанный тёмным деревом, имел четыре кнопки. Никакого шестого.

Эвелин достала ключ.

— Сначала надо попросить разрешения, — произнёс чей-то голос.

Возле лестницы сидела женщина лет шестидесяти в зелёном кардигане. Она чинила детский красный варёжок, подсвечивая его маленькой настольной лампой.

— Простите?

— Вы так смотрите на двери, будто они обязаны вас узнать.

— Я ищу квартиру шесть-ноль-четыре.

Женщина перестала шить. Её глаза были поразительно светлыми.

— Чья вы дочь?

— Норы Мур.

На лице незнакомки промелькнуло нечто, похожее на усталую нежность.

— Тогда всё-таки пришли. Меня зовут Айрис Рид. Я слежу за домом. В обычные дни.

— А в необычные?

— В необычные дом следит за нами.

Эвелин решила, что это шутка, но Айрис не улыбнулась. Она отложила иглу, поднялась и протянула руку за ключом. Повернула его в воздухе, как часовщик перед тем, как завести старые часы. Ласточка на головке блеснула. В стенке лифта, где прежде была полированная доска, открылся маленький круглый замок.

— Я не люблю фокусы, — сказала Эвелин.

— И ваша мать не любила. Особенно те, от которых больно.

Лифт двинулся вверх. На четвёртом этаже он не остановился. Над панелью замигал свет, показывая цифру пять, хотя кнопки с такой цифрой не существовало. Потом — шесть.

За дверью находился узкий коридор, обитый синим сукном. На ковре лежала тень от окна, которого не было. На дальней стене висели часы без стрелок.

— Тут кто-нибудь живёт? — тихо спросила Эвелин.

— Иногда люди очень долго не решаются уйти.

Квартира шесть-ноль-четыре открылась латунным ключом. Внутри было тепло и пахло хлебом. Гостиная казалась собранной из разных десятилетий: радио с круглыми ручками, современный холодильник, диван с потертыми подлокотниками, деревянная подставка для пластинок. Над камином висели тридцать две фотографии Эвелин. На одной она была подростком. На другой — старой женщиной с седой косой. На третьей — беременной. На четвёртой стояла в белом платье на сцене большого театра. На пятой лежала в больничной палате с забинтованными руками.

Эвелин отступила.

— Кто это сделал?

— Вы, — сказала Айрис. — В некотором смысле.

— Это невозможно.

— Вы реставрируете чужие фотографии. Наверное, знаете, сколько раз люди произносят это слово, пока не находят объяснение.

В другой комнате звякнул колокольчик. Айрис открыла дверь, и Эвелин увидела длинную стену с маленькими пронумерованными ящиками. В некоторых лежали письма. В других — ключи, детские зубы, пуговицы, билеты, ленточки. Под стеклом на столе находился лист бумаги с тремя правилами.

Айрис предложила прочитать его самой.

«Первое. За каждой дверью — жизнь, которую вы действительно могли прожить».

«Второе. Пока песочные часы не опустеют, вы гость. Не оставляйте обещаний, которые не сможете исполнить».

«Третье. Чтобы остаться навсегда, вам придётся занять место той, кто там живёт».

Эвелин перечитала последнюю строку.

— Чьё место?

Айрис посмотрела на фотографии.

— Ваше. Только другой вас.

За стеной раздался детский смех. Эвелин узнала голос девочки со снимка, хотя никогда его не слышала.

— Это моя дочь?

— В одной из жизней — да.

— Она настоящая?

— Настоящая настолько, насколько вы.

Эвелин открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, но увидела на столе фотографию Норы: мать стояла у окна той же комнаты, держа в руках красный варежок.

На обороте значилось: «Первый раз я пришла сюда, когда думала, что потеряла всё».

Глава 4. До того, как появилась София

Джонас Келлер умел смешить Эвелин именно тогда, когда она меньше всего собиралась улыбаться. В двадцать три она считала это его главным талантом, хотя на самом деле он был блестящим врачом, мог за десять минут собрать шкаф, который она не осилила за три вечера, и не боялся разговаривать с незнакомыми людьми. Они познакомились на выставке снимков после наводнения. Джонас остановился перед фотографией игрушечной лодки, застрявшей в ветвях дерева, и спросил:

— Вы знаете, кто её спас?

— Лодку? — уточнила Эвелин.

— Нет. Того, кто её запускал.

Она посмотрела на него с недоверием. Большинство посетителей рассматривали катастрофу как удачную композицию. Этот человек впервые спросил о том, чего не было в кадре.

Они встречались почти пять лет. У них было много маленьких привычек, которые потом оказалось невозможно отвыкнуть замечать: он раскладывал монеты по номиналам, она ставила чашки вверх дном, он говорил с каждым бездомным псом, словно тот мог предложить разумный ответ. Зимой они ездили в Вермонт, застряли в снегу и три часа ждали эвакуатор. Джонас укрыл её серым свитером, который позже появится в чужой жизни рядом с Софией.

Их расставание не было драматичным. Хуже того: оно состоялось постепенно. В какой-то год стало ясно, что Эвелин живёт будто на берегу собственной жизни, всё собирается войти в воду и каждый раз отступает. Джонас хотел семью, не как доказательство успеха, а как продолжение ежедневных разговоров. Эвелин тоже хотела, но после потери беременности и безуспешных попыток вернуться к прежней уверенности любое обсуждение будущего оборачивалось ссорой.

— Я боюсь, — сказала она в последний вечер.

Он сидел на кухне и чистил мандарин одной длинной полоской, как всегда делал, когда нервничал.

— Я тоже.

— У тебя нет причин.

— Эви, у всех есть причины. Ты просто не оставляешь места для моих.

Она запомнила не эти слова. Она запомнила, как он аккуратно положил кожуру рядом с плодом. Потом годами пыталась понять, когда любовь стала похожа на стол, за которым оба боялись занять слишком много места.

После разрыва она встречала Джонаса дважды: в аптеке на углу и однажды на вокзале. В аптеке они обменялись несколькими вежливыми фразами. На вокзале она увидела его со спины, не подошла и ещё много месяцев презирала себя за трусость. Ей казалось, будто смелость обязательно должна иметь форму большого решения. Однажды она поймёт, что иногда смелость — просто сказать: «Мне плохо, но я не прошу тебя это исправить».

Поэтому, когда на шестом этаже Айрис показала ей снимок, где Джонас держал маленькую девочку за руку, Эвелин почувствовала не только восторг и ревность, но и стыд. В той жизни она, возможно, сумела остаться рядом. Или просто другой вариант Джонаса дольше выдерживал молчание. Она не знала. И в первый раз ей пришлось в голову, что любое несбывшееся счастье выглядит безупречно только со стороны.

Глава 5. Девочка в жёлтом дождевике

Айрис не пыталась убедить Эвелин в невозможном. Она просто указала на дверь в торце комнаты, где висела карточка с датой: «17 мая 2026».

— Вам позволен один день, — сказала она. — Вернуться можно, когда услышите три удара часов. Не игнорируйте их.

— А если я не вернусь?

— Вы исчезнете из своей жизни раньше, чем успеете понять, какой именно лишились.

— Прекрасное объяснение.

— Другого у меня нет.

Эвелин коснулась дверной ручки. Дерево было тёплым, как кожа под ладонью. За дверью послышалась музыка из кухни и чей-то голос, напевавший мимо нот. Прежде чем она успела испугаться, дверь открылась.

Она стояла в просторной квартире с окнами на сад. На подоконнике росли базилик и розмарин. На полу валялись цветные карандаши, под стулом лежал плюшевый пёс с оторванным ухом. Всё это не было декорацией: у коридорной стены сохли детские носки, в чашке на столе оставался след от кофе, на холодильнике было прикреплено уведомление стоматолога.

Из комнаты выбежала девочка.

— Мама!

Она обняла Эвелин за бёдра так порывисто, что та едва удержалась на ногах.

— Ты обещала прийти раньше! Мы же сегодня идём к воде. Помнишь?

Эвелин не могла ответить. Тонкие руки девочки были тёплыми. Её волосы пахли шампунем с яблоком. На правой щеке у неё была родинка.

— Мама? — девочка отодвинулась, обеспокоенно вглядываясь в её лицо. — Ты опять забыла?

— Нет, — прошептала Эвелин. — Просто... расскажи мне.

— Ну! У нас день бумажных лодок. Каждый год. Ты всё время говоришь, что у тебя голова как шкаф, в котором перепутаны ящики.

В дверях кухни появился мужчина. Эвелин узнала Джонаса Келлера, с которым не разговаривала уже почти восемь лет.

Он постарел. У висков появилась седина, взгляд стал осторожнее. На нём был серый свитер, который она могла бы узнать среди сотни вещей: в их жизни Джонас носил такой во время поездки в Вермонт, где они впервые сказали друг другу о любви.

— Эви? — спросил он, и сердце болезненно сжалось от старого сокращения её имени. — Ты в порядке?

— Да.

Он глянул на девочку, затем опять на неё.

— София, давай собирать лодки. Мама сейчас придёт.

София убежала. Джонас тихо закрыл кухонную дверь.

— Ты сегодня была у Айрис?

Эвелин оцепенела.

— Что?

— У соседки. Ты сказала, что принесёшь ей фотографии. Эви, пожалуйста, не начинай снова. Мы договорились, что больше не будем обсуждать... альтернативы.

В его голосе было слишком много усталости для счастливой жизни с фотографии.

— Что случилось между нами? — вырвалось у Эвелин.

Джонас посмотрел на неё так, словно она только что ударила его.

— Если ты снова хочешь сделать вид, что ничего не помнишь, я не смогу.

Он отвернулся, достал из ящика шкафчика папку и положил её на стол. На обложке было написано: «София. Кардиология».

Внутри лежали результаты анализов, обследований и план наблюдения после операции. У девочки была врождённая патология сердца. Два года назад ей сделали операцию. Сейчас врачи опасались нового осложнения.

— Мы ждём ответа из Бостона, — сказал Джонас. — Ты прекрасно знаешь. И ты прекрасно знаешь, что не обязана изображать человека, у которого всё хорошо.

Эвелин провела пальцем по краю папки.

— Она поправится?

Он сел напротив.

— Я не знаю. Я доктор, Эви. Это самое страшное предложение, которое мне приходится произносить дома.

Она смотрела на незнакомое лицо человека, которого когда-то очень любила, и впервые поняла: за чужой фотографией скрывается не счастье без страха. Просто страх здесь имел другое имя.

Позже она помогала Софии складывать бумажные лодки. Девочка долго выбирала, какой рисунок наклеить на парус. В конце концов нарисовала двух людей, держащихся за руки под огромным красным солнцем.

— Это мы? — спросила Эвелин.

— Конечно. А это папа, — София ткнула карандашом в крошечную фигурку на берегу. — Он всё время говорит, что нельзя далеко заплывать.

Джонас действительно держался в стороне, когда они пришли к реке. Ветер гнул иву, из-под моста тянуло холодом. София запустила первую лодку и захлопала в ладоши. Эвелин присела рядом. Мир сузился до её счастливого лица.

— Ты иногда грустишь, мама, — сказала София внезапно. — Я знаю. Когда думаешь, что я сплю, ты сидишь у двери и слушаешь, как я дышу.

Эвелин не нашла слов.

— Я тоже иногда боюсь, — продолжила девочка. — Но ведь когда боишься вдвоём, это не так сильно?

Раздался глухой удар часов.

Первый.

Эвелин взглянула на реку. Вода потемнела, будто в неё упала огромная невидимая тень.

— Ты меня любишь? — спросила она, прежде чем успела подумать.

София отнеслась к вопросу серьёзно.

— Даже когда ты сердитая, — ответила она. — Только не говори, что опять уйдёшь.

Второй удар.

Эвелин крепко обняла её. Детская куртка зашуршала между руками.

— Я не знаю, как сделать правильно, — сказала она.

— А ты просто останься на ужин.

Третий удар заглушил шум воды.

Эвелин оказалась в комнате с фотографиями, стоя на коленях. В её ладонях лежал мокрый бумажный кораблик.

Глава 6. Ужин с теми, кто мог быть семьёй

Потом Эвелин будет вспоминать не первое объятие Софии, а несколько минут на кухне, когда девочка попросила помочь нарезать яблоко. Маленький нож с закруглённым концом плохо проходил через тугую кожицу. София морщила нос от усердия и тихо сопела. Эвелин стояла за её спиной, удерживая разделочную доску, и вдруг поняла, как много в материнстве действий, которые не выглядят торжественно. Подвинуть стул. Проверить, не обожжётся ли ребёнок. Выслушать рассказ о девочке из класса, которая сказала обидное слово.

— А ты кем хотела стать, когда была маленькой? — спросила София.

— Пианисткой.

— А стала?

— Нет. Я работаю с фотографиями.

— Это потому что пианино большое? Мама говорит, у нас тогда была маленькая квартира.

Эвелин подавила улыбку.

— Не совсем.

— Жаль. Я бы слушала. Только тихо, ладно? Когда очень громко, у меня тут прыгает, — девочка коснулась груди.

В этот момент вошёл Джонас. Он увидел их у доски и замер так, будто это была сцена, которую он очень давно ждал и не доверял ей полностью. На столе лежала открытая медицинская папка. Эвелин поспешно закрыла её, но Джонас заметил движение.

— Не нужно скрывать её от Софии, — сказал он. — Мы перестали делать вид, что она не понимает, о чём речь.

— Я понимаю про сердце, — вмешалась девочка. — Не понимаю, почему взрослые всё время говорят «посмотрим».

Джонас опустился рядом с ней на корточки.

— Потому что взрослые иногда не знают ответа, а им стыдно в этом признаться.

— Ты можешь сказать просто: «Не знаю», — серьёзно разрешила София.

— Спасибо. Я попробую.

После ужина они мыли посуду вдвоём. За дверью София строила дом из диванных подушек и звала родителей по очереди, чтобы те оценили крепость крыши. Джонас смотрел на Эвелин так внимательно, что она не выдержала:

— Ты знаешь, что я не та?

Тарелка едва не выскользнула у него из рук.

— Не говори при ней таких вещей.

— Я не собиралась.

— Тогда что ты хочешь от меня услышать?

— Правду.

Он поставил тарелку на сушилку. Вода капала с его ладоней.

— Я знаю, что существуют двери. Я видел, как жена возвращалась из одной из них, и иногда она смотрела на меня так, будто ждала встретить другого мужчину. Но сейчас ты помыла руки моим полотенцем, поправила Софии воротник, испугалась её кашля. Мне всё равно, из какой ты комнаты пришла. Пока ты здесь, не причиняй ей новой боли.

— Она часто ждёт другую маму?

Джонас закрыл глаза на мгновение.

— У нас было несколько страшных месяцев. Эви решила, что если найдёт жизнь, в которой София здорова, ей не придётся смотреть на её страдания. Я не смог её остановить. А потом

она вернулась и сказала, что поняла свою ошибку. Теперь я не знаю, что говорить, когда она снова поздно приходит домой.

Эвелин поняла, почему его глаза кажутся старше лица. Он каждый день охранял не только больного ребёнка, но и право этого ребёнка быть любимым без условий, даже когда взрослые хотели обменять боль на чужое спокойствие.

Из гостиной раздался грохот подушек и торжествующий голос:

— Крыша упала! Нужна помощь!

Джонас пошёл к двери, но обернулся:

— Не обещай ей остаться, если не можешь.

Это был самый простой запрет, который Эвелин когда-либо слышала. И самый трудный. На реке она так и не произнесла обещания. Позже это будет мучить её сильнее, чем если бы она солгала. Но именно это молчание окажется первым честным поступком в чужой семье.

Глава 7. Условие обмена

Айрис ждала у камина, не подходя близко. Она накрыла колени клетчатым пледом и смотрела не на Эвелин, а на кораблик, который постепенно расправлялся у неё в руках.

— Вы не должны были ничего брать, — сказала она.

— Она мне его подарила.

— Дети часто не знают цены подаркам.

— У неё больное сердце. Ты знала?

— Да.

— Почему не сказала?

— Потому что вы искали фотографию, а не жизнь. Вам необходимо было увидеть разницу самой.

Эвелин встала. Она была зла на женщину, на мать, на этот чужой дом и прежде всего на себя — за ту секунду, когда чужая девочка прижалась к ней и она захотела, чтобы девочка оказалась её собственной, даже ценой чьего-то исчезновения.

— Что станет с другой мной, если я решу остаться?

Айрис отвела взгляд.

— Она займёт ваше место. Не в вашем городе. Здесь. Дом сохранит её, пока одна из дверей снова не откроется.

— То есть я украду её ребёнка.

— Вы займёте её жизнь.

— Не делай вид, что слова что-то меняют.

Айрис кивнула.

— Вы правы. Люди часто приходят сюда с красивыми словами. «Исправить ошибку». «Вернуть своё». «Один шанс». Редко говорят: «Я хочу забрать то, что принадлежит другому».

— Зачем матери понадобилось приводить меня сюда?

— Это нужно спросить у неё.

— Она умерла.

Айрис медленно перевернула ладонь. На ней лежала небольшая ключ-карта из серого металла. На поверхности были выгравированы два имени: НОРА МУР — 1999.

— В некоторых жизнях, — сказала она, — у нас ещё остаётся время задать вопрос.

Эвелин подошла к окну. Улица Беллуэзер внизу была пустой. Она увидела отражение своего лица, но за ним стояла другая женщина в белой блузке, с более короткими волосами. Та на секунду прижала палец к губам.

Эвелин резко обернулась. Никого.

— Кто это был?

Айрис посмотрела на окно.

— Ваша соседка по возможности.

— Мне нужна мама.

— Это самая опасная дверь из всех.

— Почему?

Айрис вынула из ящика маленькие песочные часы. В красном песке было что-то тёмное, похожее на пепел.

— Когда человек хочет увидеть умершего, он почти всегда забывает спросить, жив ли в той жизни кто-то другой.

Дома Эвелин обнаружила в сумке не один кораблик, а два. На втором было написано детской рукой: «Чтобы ты нашла дорогу обратно».

Она сфотографировала оба предмета и отправила снимки Майе. Ответ пришёл через минуту: «Ты дома? Я еду».

Глава 8. Истории, в которые не верят

Майя не верила в параллельные жизни. Она верила в аллергию, недосыпание, мошенников, травматические реакции и последующее расследование.

— Тебе дали успокоительное на похоронах? — спросила она, осматривая мокрый кораблик.

— Нет.

— Что ела вчера?

— Два печенья.

— Уже хуже. У тебя есть результаты анализов бумаги?

Эвелин покачала головой.

— Майя, я держала за руку девочку. Я чувствовала её пульс.

Подруга внимательно посмотрела на неё.

— Я не говорю, что ты врешь. Я говорю, что надо проверить то, что можно проверить.

Они вернулись на Беллуэзер вдвоём. У магазина музыкальных инструментов стоял фургон. Старик в мятом пиджаке выносил из кузова коробки с виниловыми пластинками. Эвелин указала на дверь соседнего дома.

— Здесь.

Майя вошла первой. У лифта сидел ночной портье. На вопрос о шесть-ноль-четыре он рассмеялся.

— У нас всего двадцать четыре квартиры. Четыре этажа. Хотите — обойдите все.

Они обошли. На четвёртом этаже пахло краской. Две двери были опечатаны для ремонта. Эвелин приложила латунный ключ к деревянной стенке лифта — там не оказалось замка.

— Видишь? — тихо спросила Майя.

Эвелин посмотрела на портье. У него на столе лежал красный детский варежок.

— Откуда он?

— Нашёл у входа, — сказал тот. — Чей-то ребёнок потерял.

Когда они вышли на улицу, Майя замедлила шаг.

— Послушай. Я узнаю всё о доме. Но ты должна обещать мне одну вещь: до тех пор, пока мы не поймём, что происходит, не ходи туда одна.

Эвелин кивнула. Обещание было произнесено почти искренне.

В тот же вечер Майя позвонила снова.

— Собственник дома сменился шестнадцать раз за полвека. Это само по себе странно. Но ещё страннее другое. С 1974 года каждый управляющий указывал одного и того же свидетеля передачи недвижимости.

— Айрис Рид?

— Нет. Человека по имени Адриан Вейл.

— Сколько ему лет?

— Если верить первому документу, он родился в 1948-м. А если верить фотографии с сегодняшней камеры наблюдения, которую я достала от соседнего магазина, ему не больше пятидесяти.

После паузы Майя добавила:

— И ещё. На снимке он стоит рядом с твоей матерью. Фотография сделана за два дня до её смерти.

Глава 9. Проверить невозможное

Через два дня Майя принесла две папки, старую карту квартала и термос кофе. Она разложила всё прямо на полу мастерской, вытеснив коробку с фотографиями свадьбы, которую Эвелин должна была восстановить к пятнице.

— Мы можем продолжать спорить, что тебе показалось, — сказала Майя, — а можем провести нормальное расследование. Моя любимая часть любого кошмара — документация.

Они начали с разрешений на строительство. В 1887 году на участке Беллуэзер, семнадцать, был четырёхэтажный доходный дом. В 1912-м к нему пристроили складское помещение. После пожара 1931 года здание восстановили в прежнем виде. Никаких шестых этажей. Однако в отчёте страхового инспектора за 1968 год значилась странная жалоба: «В ночное время жильцы слышат шаги над потолком верхнего этажа; следов проникновения на чердак не обнаружено».

Майя обвела запись красным.

— Пока что в пользу старых труб. Но в 1984 году сотрудник пожарной службы написал: «Не проводить эвакуацию по неизвестной лестнице». Что это значит? Не знаю. Возможно, кто-то ошибся этажом.

Эвелин взяла карту. На месте здания когда-то проходила узкая железнодорожная ветка, теперь почти полностью застроенная.

— Когда появились рельсы?

— Здесь лучше вопрос, когда они исчезли. Городская комиссия утверждает, что путь разобрали в 1891 году, но фотография из музея показывает грузовой вагон на том же участке ещё в 1903-м.

Они вышли к дому вечером. Майя настояла на том, чтобы вести аудиозапись. В холле сидел тот же портье, только на этот раз он не смеялся, когда Эвелин произнесла номер квартиры. Вместо этого он сунул руки под стол.

— Дамы, я уже сказал вам всё.

— Мы не спрашиваем о жильцах, — сказала Майя. — Мы спрашиваем о ремонте.

— Вам лучше уйти.

— А иначе?

Портье посмотрел на лифт. Его голос стал тише:

— Иначе вы будете приходить сюда снова и снова. Некоторые вещи лучше не видеть дважды.

На улице Майя запустила запись. В тот момент, когда портье произносил последнее предложение, на фоне отчётливо слышался стук часов: один, второй, третий. Но Эвелин помнила, что в холле не было ни одних часов. Она записала это в блокнот как факт, а не как доказательство сверхъестественного. Сами факты начали напоминать дверь, под которой постепенно проступает свет.

Позже Майя позвонила своему бывшему редактору, человеку с бесконечной сетью знакомых и дурной привычкой спрашивать, зачем им всё это. Он помог получить одну запись из закрытого городского архива: в ноябре 1999 года к дому на Беллуэзер трижды выезжала пожарная машина. Сигнал тревоги поступал из помещения, которого не оказалось на плане эвакуации. В журнале последнего вызова кто-то приписал карандашом два слова: «ребёнок найден».

— Чей ребёнок? — спросила Эвелин.

— Не знаю. Документы засекречены из-за несовершеннолетнего. Но у меня есть имя дежурного. Он давно на пенсии.

Эвелин хотела немедленно ехать к нему. Майя закрыла папку.

— Завтра. Сегодня ты поешь и поспишь. Я не позволю тебе расследовать прошлое ценой того, что потеряешь сознание в настоящем.

— Ты говоришь, как моя мать.

Майя улыбнулась без торжества.

— Кто-то же должен.

Они заказали дешёвую лапшу, ели её из бумажных коробок и впервые за долгую неделю разговаривали не о загадочном доме, а о том, что у Майи опять сократили отдел. Она боялась остаться без работы и тщательно скрывала это за бесконечными шутками. Эвелин смотрела на неё и впервые за много дней почувствовала, что чужая боль не уменьшает её собственную, но возвращает ей способность быть рядом. Никакая дверь не требовалась, чтобы изменить этот вечер.

Глава 10. Мужчина из другой зимы

Адриан Вейл нашёл Эвелин сам. Утром она пришла в мастерскую, чтобы закончить заказ: восстановить свадебный портрет супругов, умерших тридцать лет назад. На краю стола стояла чашка с остывшим чаем. Под лампой плавно подсыхал снимок, и лицо невесты проступало из пятна воды, словно возвращалось из долгого сна.

— Вы хорошо обращаетесь с тем, что другие считают безвозвратным, — услышала она.

Мужчина стоял в дверях. Высокий, в тёмно-синем пальто, с тонкими пальцами пианиста. Его волосы побелели у висков, но лицо выглядело моложе, чем должно было, учитывая сведения Майи.

— Это частная мастерская. Посещения по записи.

— Простите. Я оставил вам сообщение, вы не ответили. Меня зовут Адриан Вейл.

Эвелин положила скальпель.

— Я знаю.

Он вздрогнул от её тона.

— Значит, она всё-таки успела вас предупредить.

— Моя мать умерла, не объяснив ничего.

— Это на неё похоже. Нора всегда предпочитала нести тяжёлое сама.

— Вы знали её?

— Дольше, чем она знала меня.

Адриан поставил на стол небольшую жестяную коробку. Внутри лежали детские часы с синей тканевой лентой и облупившимся нарисованным китом на циферблате.

— Их носил мой сын, — сказал он. — Его звали Элиас. Он погиб в июне две тысячи первого года. Ему было одиннадцать.

Эвелин не коснулась часов.

— Мне жаль.

— Знаете, что я делал в первую ночь после похорон? Сидел в его комнате и ненавидел людей, которые утром собирались на работу. Ненавидел молочника. Почтальона. Соседа, который подстригал газон. Казалось невыносимым, что мир продолжает двигаться и ни один человек не получил извещения о том, что всё окончено.

Эвелин слушала вопреки себе.

— Потом я нашёл дом. Там я увидел Элиаса взрослым. В одной жизни у него была работа, жена, сын с его глазами. Я много лет пытался попасть туда. Но для обмена нужна не просто дверь. Нужен человек, которому ключ принадлежит по праву.

— Я не стану помогать вам похищать чужого сына.

Адриан кивнул, не обидевшись.

— Я не прошу этого. Пока. Я прошу лишь посмотреть, что осталось от вашей матери. Она оставила вам одну вещь, которую не смогла доверить никому другому.

— Какую?

— Правда о том дне, когда вы решили больше с ней не разговаривать.

Эвелин поднялась.

— Уходите.

— Вы думаете, она не пришла на ваш первый концерт, потому что предпочла чужого ребёнка вам. Она всю жизнь позволяла вам так думать.

— Я сказала: уходите.

— Тогда спросите себя, почему она пропустила именно тот вечер. И почему у неё никогда не было фотографий, снятых раньше следующего утра.

Он оставил коробку и ушёл. После этого Эвелин ещё долго стояла перед восстановленным свадебным портретом. На фотографии молодожёны улыбались в объектив, ничего не зная о годах, которые их ожидали.

Вечером она достала из семейной коробки свой концертный билет. День был тот же: 12 ноября 1999 года.

Билет имел небольшой водяной след, который она раньше принимала за пятно от кофе.

Она вспомнила, что мать пришла домой только под утро. Платье её было мокрым. На шее висел чужой детский шарф.

Глава 11. Ноябрь 1999-го

В девять лет Эвелин жила в полной уверенности, что хорошие взрослые никогда не опаздывают. Они могут плохо парковаться, бояться стоматолога, ссориться из-за денег, но на детские выступления всегда приходят вовремя. Особенно если обещали.

В тот ноябрьский вечер в школьном актовом зале пахло пылью и апельсинами. Мисс Чепмен, преподавательница музыки, поставила перед маленькой Эвелин табуретку и поправила белый воротник. На четвёртом ряду было два пустых места: для матери и её нового друга, который позже обещал стать «кем-то вроде семьи».

Эвелин сыграла пьесу без ошибок. Потом — ещё одну, сложнее. Люди аплодировали. Она поклонилась. Подняла глаза. Места оставались пустыми.

Дома мать появилась с рассветом, замёрзшая до синевы. Она бросилась к дочери, но та отстранилась.

— Ты обещала, — сказала девочка.

— Я знаю. Прости, моя хорошая. Я...

— Ты всех спасаешь, кроме меня.

Нора вздрогнула, будто дочь попала в место, о существовании которого сама не знала.

— Это неправда.

— Тогда почему ты не пришла?

— Потому что иногда одно обещание приходится нарушить, чтобы исполнить другое.

Эвелин не поняла ответа и возненавидела его. Двадцать семь лет спустя она ненавидела его по-прежнему, хотя уже не могла вспомнить, от чего именно болело в тот день сильнее: от пустых мест или от того, что мать не дала ясного объяснения.

Теперь, глядя на календарь за 1999 год, она обнаружила заметку, которую Нора спрятала между страницами старого учебника сольфеджио. На бумаге были напечатаны три слова: «ПРИЧАЛ. ДВЕ ДЕВОЧКИ». Ниже шёл адрес, обведённый красным: Беллуэзер, 17.

Она позвонила Майе.

— Мне нужно, чтобы ты проверила все происшествия на пирсе за двенадцатое ноября девяносто девятого.

— Уже проверяла. В газете есть упоминание о штормовом предупреждении, но никаких смертей.

— А спасения?

— Одно. Двух детей вытащили из воды. Имена не указаны. Я попробую получить архив спасательной службы.

Эвелин положила трубку. Ночью ей снилась девочка, сидящая на причале с мокрыми волосами. Девочка была похожа на неё. Рядом лежал маленький латунный ключ, а за спиной стояла женщина и повторяла:

— Прости. Я не знала, что выбирать придётся дважды.

Глава 12. Пирс, которого больше нет

В детстве Эвелин считала ноябрьское море злым существом. Летом оно щекотало щиколотки, возвращало потерянные игрушки и вежливо подталкивало камешки к берегу. Зимой откусывало целые полосы песка и стучало под пирсом так, словно хотело разрушить подпорки. Нора запрещала подходить к воде после наступления темноты. Но шестого ноября 1999 года сама повезла дочь к старому причалу.

— У нас важное дело, — сказала она.

Эвелин сидела на заднем сиденье и держала свёрток в клетчатой бумаге. Внутри лежала отреставрированная игрушечная лодка, подарок для Розы Мартин, девочки, которой завтра исполнялось десять. Роза дружила с детьми из соседнего двора, однажды помогла Эвелин найти потерянные нотные тетради и носила красные башмаки даже под дождём. Эвелин считала её бесстрашной и немного хвастливой.

Они опоздали. Нора свернула не на ту дорогу, остановилась на заправке, вернулась за забытым пакетом. За стеклом непрерывно мелькали мокрые ветви. Взрослые любят говорить детям, что опоздание — мелочь, но на лице матери Эвелин увидела что-то похожее на отчаяние.

На пирсе ветер подхватил бумагу из её рук. Нора поймала свёрток и велела дочери держаться за перила. Где-то за туманом зазвонил колокол. Появился мужчина с фонарём, кричавший, что мостки закрыты. Роза уже была там, на дальнем конце пирса; возле неё стоял младший брат Кaleb. Эвелин запомнила именно его голос: не крик, а странно взрослое короткое «пожалуйста».

Вода ударила снизу. Доски вздрогнули. Нора рванулась вперёд. Эвелин успела увидеть красный башмак, скользящий по мокрому дереву, и руку, которую мать не смогла перехватить. Потом кто-то оттолкнул её к берегу, всё смешалось в шум, и лицо Норы исчезло в темноте.

Дальше в памяти была пустота. На снимках того времени Эвелин улыбалась в белой блузке, ходила на уроки музыки, получала оценки. О пирсе никто не говорил. Роза больше не приходила во двор. Кaleb перестал отвечать на приветствия. Эвелин решила, что её мать виновна, раз всё время плачет, а люди вокруг избегают встречаться с ними взглядами.

Много позже она узнает, что Нора прыгнула за ребёнком, хотя сама плохо плавала, и едва не погибла. Что спасатели вытащили из воды двух девочек, но не успели вернуть к жизни одну. Что у этого вечера было множество подробностей, которые невозможно превратить в одну удобную историю с виновным и невиновным.

Однако в той машине, возвращаясь домой, девятилетняя Эвелин сказала матери:

— Если бы ты не заставила нас ехать, ничего бы не случилось.

Нора сидела рядом с водителем, завернувшись в чужое одеяло. Она обернулась. На лице у неё проступило такое изумление, будто дочь произнесла не жестокость, а точную формулу трагедии.

— Возможно, — ответила она.

Эвелин ждала, что мать разозлится, возразит, объяснит. Нора не сделала ничего из этого. Взрослые иногда молчат потому, что не могут защититься от слов собственного ребёнка, не причинив ему новую боль.

В зрелости Эвелин неоднократно мысленно возвращалась в этот автомобиль. Она придумывала себе правильную фразу: «Мама, я испугалась». Иногда представляла, что просто положила бы руку на Норину плечо. Но память не позволяла менять запись. Каждое воображаемое движение оставалось по другую сторону стекла, и от этого существование дома на Беллуэзер казалось ей одновременно чудом и угрозой. Если однажды появится способ исправить ту фразу, сумеет ли она не попытаться?

Глава 13. Музыка, от которой отказались

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.